

Huber K. Einer gleich einem Menschensohn. Die Christusvisionen in Offb 1. 9–20 und Offb 14. 14–20 und die Christologie der Johannesoffenbarung. Münster: Aschendorff, 2007 (Neutestamentliche Abhandlungen. Neue Folge; 55). VIII + 361 S.

Книга профессора Инсбрукского университета Конрада Хубера продолжает ряд появляющихся в последние годы с особой частотой крупных исследований, посвященных христологии Апокалипсиса. Повышенный интерес к данной теме обоснован не только тем, что в Откровении Иоанна Богослова (далее Откр) представлена едва ли не самая возвышенная в Новом Завете христология, но и тем, что образ Христа в Апокалипсисе чрезвычайно богат и многогранен. Христос представлен здесь одновременно и как подобный Сыну Человеческому, и как Агнец, и как торжествующий всадник на белом коне, не говоря уже о том, что к Нему отнесены многочисленные именованья и титулы. Рецензируемый труд посвящен двум видениям Христа в Апокалипсисе, в которых Он представлен как подобный Сыну Человеческому, причем, как свидетельствует подзаголовок книги, задачей исследования является указать место этих видений в общем христологическом контексте последней книги Нового Завета.

Книга К. Хубера состоит из введения и четырех глав, вслед за которыми идут списки сокращений и литературы, а также указатель тех мест Библии, межзаветной, раннехристианской, раввинистической и античной литературы, на которые в тексте книги имеются ссылки. Во введении (с. 1–15) наиболее важным представляется вычленение автором четырех видений Апокалипсиса, которые с полным основанием могут считаться видениями Христа. Это Откр 1. 9–20 (подобный Сыну Человеческому); 5. 1–14 (Агнец); 14. 14–20 (подобный Сыну Человеческому); 19. 11–21 (сидящий на белом коне). Прочие видения Апокалипсиса, которые иногда рассматриваются в науке как видения Христа, не могут, по мнению К. Хубера, считаться таковыми либо ввиду того, что Христос не занимает в них центрального места, либо по той причине, что являющийся предметом видения образ при более тщательном рассмотрении оказывается нетождественным Христу (напр., Откр 6. 1–2; Откр 10).

В первой главе (с. 16–73) представлен обзор исследований, посвященных христологии Апокалипсиса, начиная от первых лет XX в. Он весьма удачно сочетает в себе хронологический и тематический принципы и может быть с уверенностью назван образцовым для своего жанра.

Во второй главе (с. 74–217) К. Хубер подвергает тщательному рассмотрению видение подобного Сыну Человеческому в Откр 1. 9–20. Проанализировав структуру данного отрывка, особенности конкретной исторической ситуации, в которой рассматриваемое видение открылось перед Тайнозрителем, обстановку видения, внешний вид подобного Сыну Человеческому, Его слова, реакцию Тайнозрителя на Его явление, а также историю лежащей в основе выражения «подобный Сыну Человеческому» традиции, автор предпринимает затем и краткий обзор христологических мотивов в посланиях семи церквям (Откр 2–3), справедливо отмечая, что эти послания являются прямой речью подобного Сыну Человеческому и, таким образом, органично примыкают к отрывку Откр 1. 9–20. Подводя итоги этой главы, Хубер подчеркивает, что рассматриваемый фрагмент

имеет характер теофании: Христос представлен в нем в полноте Своего божественного величия. При этом Он представлен также как Распятый и Воскресший, чем утверждается Его тождество с «земным Иисусом». Использование в Откр 1 восходящего к книге пророка Даниила и засвидетельствованного в позднейшей иудейской апокалиптике титула «подобный Сыну Человеческому» отражает все стадии использования и осмысления этого выражения и связанного с ним образа: здесь подчеркивается как человечность Христа в противоположность «звериной» сфере Откр 12–13, так и Его эсхатологически-мессианское служение Спасителя и Судьи. Но самым главным в рассматриваемом фрагменте оказывается не христология сама по себе, а ее пастырско-экклезиологическая заостренность. Прославленный Христос ходит «посреди семи светильников» (Откр 1. 13; 2. 1), которые суть семь церквей (Откр 1. 20), всецело обращен к Своим людям и являет Себя как их Господь.

Предметом рассмотрения в третьей главе (с. 218–269) является отрывок Откр 14. 14–20. Как и абсолютное большинство толкователей, Хубер рассматривает данный фрагмент как картину суда над миром, предвосхищающую сцену Парусии и суда в Откр 19. 11–21. В вопросе о соотношении двух «актов» этого суда — жатвы (Откр 14. 14–16) и сбора винограда (Откр 14. 17–20) — исследователь придерживается позиции, согласно которой жатва есть образ всеобщего суда, исход которого может быть для разных людей различным, в том числе и спасительно-положительным, а сбор винограда представляет собой суд именно над грешниками, суд как осуждение. Серьезному анализу подвергаются в данной главе ветхозаветные тексты, образность которых, по-видимому, была творчески использована Тайнозрителем в рассматриваемом фрагменте (Иоиль 3. 13; Ис 63. 1–6; Иер 25. 30–31; Дан 7. 13), а также евангельская притча о невидимо растущем семени (Мк 4. 26–29), в которой говорится о жатве и «посылании серпа» (ср. упоминания серпа в каждом стихе отрывка Откр 14. 14–19). В целом, данная глава, как и предыдущая, написана очень тщательно. Не вполне убедительной представляется лишь попытка К. Хубера, сблизив образ серпа из Откр 14. 14–20 с образом исходящего из уст подобного Сыну Человеческому (Откр 1. 16) и Сидящего на белом коне (Откр 19. 15) меча, соотнести его со словом Христа, которое является орудием суда над миром (см.: Откр 2. 16; 19. 21; ср.: Ин 12. 48) и его судящей функцией. Для такого соотнесения, на наш взгляд, нет достаточных библейско-богословских оснований, да и чисто эстетически оно представляется сомнительным.

В четвертой, итоговой главе своей книги К. Хубер (с. 270–308) рассматривает фрагменты Откр 1. 9–20 и Откр 14. 14–20 в общем христологическом контексте Апокалипсиса. Ему удастся здесь показать наличие целого ряда структурных и смысловых связей между двумя видениями подобного Сыну Человеческому и другими сценами и разделами Откр. Исследование австрийского ученого убедительно свидетельствует о том, что при всей кажущейся калейдоскопичности образов Апокалипсиса он является в высшей степени цельным богословским творением. Впрочем, в некоторых местах четвертой главы у читателя может создаться впечатление своего рода сглаживания выявленного в предыдущих главах своеобразия двух видений подобного Сыну Человеческому.

Подводя итоги рецензии, следует сказать, что книга Конрада Хубера не принадлежит к числу тех трудов, которые «взрывают» научную общественность и открывают новый этап в исследовании того или иного вопроса. Но она является прекрасным образцом методически безупречного, тщательно продуманного и аккуратно реализованного классического научного труда, прочтение которого никогда не остается бесплодным.

А. С. Небольсин

Casiday A. M. C. Tradition and Theology in St John Cassian. Oxford; N.Y., Oxford University Press, 2007 (Oxford Early Christian Studies). XIV + 303 p.

В 2007 г. в серии «Оксфордские исследования по раннему христианству» вышла монография А. Кэсидэй, специалиста Даремского университета по западному и восточному монашеству IV–V вв., посвященная богословскому наследию знаменитого аскетического писателя и богослова — прп. Иоанна Кассиана (ок. 360–435). Как отмечает автор в заключении, «целью этой монографии было переосмысление писаний Иоанна Кассиана с точки зрения их исторической и богословской ценности» (с. 259). Действительно, еще в древности на Западе сочинения Кассиана с легкой руки Проспера Аквитанского стали подозревать в симпатиях к пелагианству и в скрытом антиавгустинизме, а начиная с XVII в. с подачи томиста Франциско Суареса учение Кассиана и других галльских аскетических богословов V в. было названо «полупелагианством». Помимо этого, современные исследователи подвергли критике достоверность исторических сведений Кассиана о египетском монашестве, которые он дает в своих «Правилах» и особенно «Собеседованиях», а также поставили под вопрос догматическую точность и ортодоксальность его христологического учения, изложенного в трактате «О воплощении Господа против Нестория».

В своей книге автор пытается найти адекватные ответы на эту разностороннюю критику. В первой главе он обращается к одному из ключевых текстов — трактату Проспера Аквитанского «Против Собеседника», в котором Проспер критикует Кассиана за уклонение от «образца ортодоксии» — блж. Августина в вопросе о соотношении свободной воли человека и Божественной благодати в деле спасения и в склонности к пелагианству. Автор подвергает детальному анализу аргументы Проспера и находит его критику нерелевантной. Взамен этого он предлагает иной метод чтения сочинений Кассиана, чем тот, который был использован Проспером: по мнению автора, Кассиана следует рассматривать как аскетического богослова, чье понимание христианского спасения пронизано идеями и опытом монашеской жизни. Для этого его учение необходимо сравнить с другими, современными ему аскетическими писателями, в том числе и с Августином, который был не только выдающимся полемистом, но и аскетом. В частности, автор рассматривает схожие черты и различия монашеского идеала